

НОВОГРАДСТВО

И. И. БУНАКОВ-ФОНДАМИНСКИЙ

Пути освобождения

Цель моего доклада — наметить пути борьбы за освобождение России. Обычно эта задача ограничивается формулированием политической программы и тактики. Но я считаю это недостаточным. Наша борьба направлена на свержение государственного строя, основанного на целостной вере и целостном миросозерцании. Победить в такой борьбе одними политическими средствами невозможно. Нужно господствующему миросозерцанию противопоставить свое миросозерцание, вере, воодушевляющей современных властителей России, противопоставить свою веру и человеку, несущему власть, — нового человека. Только тогда наша политическая борьба станет подлинно освободительной и действенной. Я мог бы доказывать этот тезис логикой и фактами современности. Но я хочу применить другой метод: показать, как велась освободительная борьба с самодержавием — строим, также основанным на целостном миросозерцании. И из этого исторического опыта сделать выводы для современности.

Обычно наша левая общественность определяет русское самодержавие как власть тираническую, основанную на насилии и на угнетении народа, и разрушавшую хозяйственную и политическую мощь России. Такое определение неверно. Монархия умерла навеки; былой пафос ненависти к ней теперь неуместен, теперь можно и должно говорить о прошлом спокойно. И если спокойно обратиться к прошлому, достаточно будет перелистать «Очерки по истории русской культуры» Милюкова, чтобы убедиться, насколько русская империя была жизненной и какой громадный прогресс был осуществлен Россией за двухсотлетний императорский период. В начале императорского периода, при Петре, Россия насчитывала 13 миллионов населения; в начале 20-го века — 150 миллионов. Территория увеличилась в полтора

раза. Города поднялись с 3 проц. населения до 17 проц. Были проложены десятки тысяч верст железнодорожных линий. Были созданы отрасли промышленности, которые в мировой иерархии шли непосредственно за Англией, Америкой и Германией. И нельзя сказать, чтобы линия хозяйственного прогресса была ниспадающей. Наоборот — чем ближе к современности, тем хозяйственный подъем резче и определеннее. Царствование Николая II — эпоха развала Империи, — вместе с тем эпоха наибольшего хозяйственного роста и расцвета. Неправильно было бы сказать и другое: хозяйственное развитие шло вопреки императорской власти или против нее. Это было бы исторической неправдой. Императорская власть долгие годы была двигателем хозяйственного прогресса, шла впереди хозяйственного развития страны. И только про последние десятилетия можно сказать, что хозяйственное развитие переросло государственные формы и не укладывалось в них. Не отвечая растущим хозяйственным нуждам страны, государственная власть из двигателя хозяйственного развития становилась его тормозом. При других государственных формах хозяйственное развитие России в последние десятилетия шло бы быстрее.

То же надо сказать про внешнюю государственную мощь. В императорский период Россия была громадной мировой силой. Про царствование Екатерины II Безбородко впоследствии говорил: это было время, когда «ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела». Александр I был «Императором Европы». И Николай I долгие годы управлял ее судьбами. Про Александра III рассказывают анекдот: государь удил рыбу, когда ему доложили, что один европейский посланник хочет его видеть. Александр III ответил: «Европа может подождать, пока русский император удит рыбу». И еще в начале мировой войны Европа трепетала перед русским «катком», который все сметет и раздавит. И здесь надо сказать то же: императорская власть долгие годы была творцом и носителем русской государственной мощи; в последний период, не отвечая растущим нуждам страны, она ее ослабляла.

Неправильно и утверждение, что русская императорская власть была властью тиранической и основанной на насилии и угнетения народа. Императорская власть была суровой и нередко жестокой. Но не надо забывать, что императорская Россия вплоть до второй половины 19 века — а вернее, вплоть до его конца — была Россией «средневековой». Вся жизнь снизу и доверху была суровой и мрачной. Императорская власть была не более жестокой, чем власть крестьянина в его семье. Под тиранической, основанной на насилии властью мы понимаем другое: власть, ненавистную

народу, утверждающую себя против его воли. Но этого не было в императорской России. Было обратное — императорская власть управляла с молчаливого согласия народа, окруженная его любовью и благоговением. Для народа император оставался тем же, чем был московский царь — Помазанником Божиим, его наместником на земле. Когда читаешь отчеты о заседаниях Екатерининской комиссии¹ и указы избирателей, поражаешься неподдельному рабскому чувству любви и преданности монарху. Ни тени протеста или требований к власти — только униженные жалобы и просьбы. Когда Екатерина путешествовала по Волге, крестьяне просили генералов ставить перед ней свечи. То же и в 19 веке, почти до его конца. Когда Александр I ехал по Москве, крестьяне прикладывались к его ноге. Перед портретом Александра II во многих избах висели лампадки. И даже когда начались в 1902 году аграрные волнения в Полтавской и Харьковской губерниях, местные крестьяне были уверены, что по губернии ездит наследник-цесаревич и раздает земли и что вокруг него «сияние». Преданность монархии стала разрушаться во время русско-японской войны и первой революции и окончательно исчезла только в Великой войне.

Чем же объяснить бунты и восстания, непрекращавшиеся во весь императорский период?

Исторический анализ этих событий только подтверждает вышесказанное. Конечно, положение народа было тяжелое, и тяжесть положения вызывала недовольство. Но это недовольство никогда не было направлено против самодержавной власти, и в особенности против ее носителя. Напротив, когда народ восставал, он восставал в защиту законной власти против ее врагов или в защиту подлинного царя против подменного. Государственная идеология восставших и подавлявших восстание была всегда тождественной. Против кого восставали сторонники Пугачева? В чье имя? — Против узурпировавшей императорскую власть Екатерины II — во имя законного императора Петра III. Когда Пушкин, собирая на местах материалы для Пугачевского бунта, стал расспрашивать старого крестьянина, помнит ли он Емельку Пугача, крестьянин ему ответил: «Для кого Пугач, ваша милость, а для меня царь-батюшка Петр Федорович». Законный император, Петр Федорович, уничтожит дворян и помещиков, ибо они враги его и его верных крестьян. Но освобождая крестьян от помещиков, он жалуется им «быть верноподданными рабами собственной нашей короны». Ни тени умаления самодержавной власти — ни тени прав для верноподданных рабов.

Тот же характер имело восстание декабристов. Для нашей левой общественности декабрьское восстание — начало открытой

борьбы русского народа с самодержавием. Но это историческая иллюзия. На самом деле было иное. Несколько сот гвардейских офицеров, увлеченных свободолюбивыми идеями Запада, охваченных воспоминаниями о греческой и римской республиканской доблести, решили сделать попытку захватить власть, чтобы установить в России свободный государственный строй. Ни народ, ни армия не слышали об этом и намека. Чтобы увлечь за собой народ и армию, заговорщики воспользовались междуцарствием. Никто не знал точно, кто законный царь: Константин, которому уже присягали, или Николай, которому надо снова присягать. На святости присяги и построена была вся стратегия заговора. «Ура, Константин!» — кричали выведенные заговорщиками на Сенатскую площадь гвардейские полки. «Ура, Николай!» — кричали полки, выведенные для подавления восстания. Два царя, две присяги — трагедия верности царю и присяге, и ни тени протеста и возмущения против власти: вот что такое в глазах русского народа декабрьское восстание.

И, наконец, последний, самый убедительный пример — уже во второй половине 19 века. Народники-революционеры идут в народ, чтобы поднять его против самодержавной власти. Народ видит в них врагов царя — дворян, вставших на царя за крестьянское освобождение; и выдает их власти. И только один раз народники имеют успех — в Чигиринском деле² — когда, отчаявшись поднять народ на царя, они зовут его встать за царя — против его врагов и бунтовщиков — дворян. На этот раз успех был громадный: сотни крестьян вступили в дружины и готовы были к восстанию. Но это они делали во имя царя и по его «указу».

Какие из всего этого должны быть сделаны выводы? Империя ширилась, хозяйственно крепла, имела большой международный престиж, опиралась на любовь и преданность народа и... тем не менее, рассыпалась в прах. Почему? — Потому что «сознание разошлось с бытием». Потому что душа народа ушла от нее.

Чтобы понять это, надо взглянуться в подлинный лик Империи. Империя напоминает многие церкви Западной Европы: фронтон и купол — ренессанса; алтари — барокко; живопись — современная. Несомненно, церковь — Нового времени. Но это только первое обманчивое впечатление. Вглядевшись, вы видите иное: план церкви — крестовый, устои — столбы и стены — готические, своды — стрельчатые. Церковь — средневековая, только внешне окрашенная Новым временем. То же и Российская империя. Фронтон и внешние украшения — западный: двор, армия, высшие классы, столицы, города и помещичьи усадьбы. Но весь план строения, устои и покрытия — все старомосковское, восточ-

ное. Во главе Империи — самодержавный царь, в глазах народа — подобие Бога на земле. Под ним тяглые классы. Все здание построено на «крепости». Нет ни тени личных прав и свободы. «Освобождение» высших сословий — дворянского и городского — мало меняет облик здания. Оно коснулось ничтожной группы людей и, сняв с них тягло, не сделало их свободными. Городское сословие остается униженным и «подлым». Дворянское становится «благородным», но на деле больше напоминает римских вольноотпущенных рабов, чем свободных западных аристократов. «Не говоря о других учреждениях, — писал Сперанский, — что такое само русское дворянство, когда личность всякого дворянина, его собственность, его честь, все, наконец, зависит не от закона, но только от воли абсолютного властителя?» «Я желал бы, чтобы кто-нибудь показал мне, какая есть разница между отношениями крепостных к их господам и отношением дворян к верховной власти. Разве последняя не имеет над дворянами той же самой власти, как дворяне над крепостными? И так вместо этой пышной классификации русского народа на различные сословия, на дворян, купцов, мещан, я нахожу в России только два сословия: это — рабы верховной власти и рабы землевладельцев. Первые свободны только относительно последних; в действительности, в России нет свободных людей, кроме нищих и философов». Такова императорская Россия вплоть до освободительных реформ второй половины 19 века. Величественное и цельное, несмотря на равносильность, здание, но холодное, мрачное. Только с освободительных реформ начинается подлинная европеизация России, европейская культура медленно спускается в низы народа. И все-таки почти до конца 19 века план и устои здания мало поддаются перестройке. Императорская Россия остается полукрепостной и тяглой.

В царствование Екатерины, в эпоху величайшего расцвета императорской России, случилось событие, почти незаметное по внешности, но определившее конечные судьбы Империи. В Европу — Лейпциг — была послана группа молодых дворян учиться западной науке. В группе были талантливые и открытые истине люди — Ушаков и Радищев. Ушаков умер за границей. Радищев вернулся в Россию, зажженный идеями западного Просвещения — права, личности и свободы. И все в блестящей Российской империи показалось ему ненавистным и мрачным — императорское самовластие, крепостное право, нищета и унижение народа. «Душа моя страданиями человечества уязвлена стала». И зажженная светом новой истины душа Радищева ушла от Империи. Отблеском этого света и была его знаменитая книга «Путешествие из Петербурга в Москву». Книга Радищева произвела на Екатерину громадное

впечатление. Она была умной женщиной и поняла истинные размеры происшествия. «Говорено о книге Путешествие от Петербурга до Москвы, — записывает в своем дневнике беседу с Екатериной ее секретарь Храповицкий, — тут рассеяние французской заразы: отвращение от начальства; автор Мартинист... он бунтовщик хуже Пугачева». И Екатерина была права: Радищев был опаснее для Империи, чем Пугачев. Пугачев поднял бунт «бессмысленный и беспощадный» и потому бесплодный; Радищев положил начало освободительному движению, закончившемуся взрывом Империи: его книга — первая трещина в грандиозном здании императорской России. С Радищева освободительное движение ширится неудержимо. Душа от души, точно свеча от свечи, зажигается светом новой истины и уходит от Империи. Сначала это одинокие души, бродящие в грандиозной Империи, как в пустыне. Потом они сходятся в небольшие группки, кружки и наконец объединяются в духовный орден русской интеллигенции, наружно незримый и даже тайно не оформленный. По внешнему виду в Империи ничего не меняется. Рыцари ордена ведут мирный образ жизни, как будто ничем не отличный от окружающего; только немногие и не всегда самые доблестные становятся заговорщиками и революционерами. В громадном большинстве члены ордена — люди высших классов, почти без исключения — военные и чиновники. И тем не менее перемена громадная: в теле Империи родилось новое чужеродное ей тело; в теократическом крепостном царстве создан духовный круг свободы. Поразительно преображающее влияние зараженной новой истиной души орденского человека. Вглядитесь в портреты русских интеллигентов первой половины 19 века. Перед вами люди с породистыми дворянскими лицами, одетые в офицерские или чиновничьи мундиры, — родные братья тех, на которых стоит Империя. И вместе с тем это — новые люди, совсем не похожие на своих братьев: тонкие, одухотворенные лица, светящиеся, часто грустно-задумчивые глаза, поэтическая, слегка небрежная прическа. И вокруг них тоже все меняется — рождается новая любовь, новая семья, новые отношения к крепостным и службе, новая мораль, наука и литература. Императорский крепостной строй тает там, где появляются эти люди. И Империя чувствует грозящую ей опасность и ведет с ними беспощадную борьбу. Но борьба эта почти безнадежна. Каждый новый удар Империи по Ордену — новая победа Ордена. Сковывая свободное выражение слова, Империя подымает творческое духовное напряжение на такую высоту, которая при иных условиях была бы невозможной. Преследуя орденских людей, она создает из них героев и мучеников. Отправляя их в изгнание, она разносит ду-

ховную заразу по стране. Посылая на виселицу, наносит себе непоправимые удары: 5 повешенных декабристов растапливают лед Империи так, как этого не могли бы сделать тысячи оставленных на свободе заговорщиков. В царствование Николая I, когда вся Империя представляла собою «гранитный лагерь», когда всякое свободное дыхание беспощадно пресекалось, организация Ордена была уже закончена, и победа predetermined: все духовные высоты русского образованного общества были Орденом заняты, все живые талантливые люди были в его рядах. Для полной победы оставался последний подвиг: увести от Империи души людей из народа. На это ушли три последних царствования. К началу Великой войны подвиг окончен: души уведены. Грандиозная Империя обездушена. Это — сухой покров, изнутри пустой. При первом столкновении он рассыпался в прах.

В чем непобедимая сила Ордена? Как могло быть взорвано грандиозное здание Империи? Наше представление об Ордене неправильно. Мы знали его в эпоху, когда — внешне победоносный — он уже духовно увял. Неудачная победа бросила на него черную тень. В нашем представлении, Орден — политическая организация, с крайней программой и крайними методами борьбы. Орденская идеология — революционная, анархическая и бунтарская. Нет ничего неправильнее такого представления. Конечно, люди Ордена насыщены пафосом политической борьбы. Конечно, политические программы играют большую роль в их идеологии. Но политический пафос — только часть целостной веры. И политические программы — только общественное выражение целостного мирозерцания. Неправильно и представление о крайности политического идеала Ордена. В Ордене были разные политические течения — крайние и умеренные. Славянофилы были монархистами и консерваторами. Западники, в большинстве, — умеренными либералами. Белинский — глава Ордена — был одновременно сторонником самодержавия. И Герцен писал, обращаясь к Александру II: «Ты победил, Галилеянин»!³ Сила Ордена — не в политическом пафосе и не в крайностях политической программы и политической борьбы. Сила Ордена в том, что души его рыцарей горят огнем целостной веры, озарены светом целостного учения. Орденский человек жаждет понять и обнять весь мир, и каждый его жизненный шаг освещен всем его миропониманием. Политическая борьба — только одна из видов жертвенной борьбы за преображение мира. Политический идеал — только часть новой преображенной жизни. Вот почему так неотразимо влияние Ордена на живые души людей. Вот почему так сокрушительна его борьба с Империей. Все его миропонимание противоположно имперско-

му. Вся его вера — иного духа. И весь он противостоит Империи. И Империя это безошибочно чувствует. Так же как Орден, она знает, что как всякий государственный строй, так и она стоит на душах людей; и что когда души уйдут, она падет. Вот почему так отчаянно она борется с орденом за людские души. Вот почему так беспощадно преследует она все орденские течения, какого бы направления они ни были: умеренные и крайние, политические и философские. Славянофилы-монархисты так же ненавистны ей, как либералы-западники; и непротивленец злу Лев Толстой так же страшен, как революционер Бакунин. Империя и Орден стоят друг против друга, как непримиримые враги.

Все орденские течения миросозерцательны и целостны. Во всех течениях политическая идеология — только часть целостного жизнепонимания. Это можно показать на любом орденском течении. Я приведу два — славянофильское и народническое.

Славянофильское учение таково. Наши органы чувств воспринимают внешность явлений; рассудок — их связь. Сущность мира познается только целостным духом — мистической интуицией — верой. Единичное познание всегда неполно и ошибочно. Подлинное познание истины доступно коллективному сознанию — соборности — Церкви. Познанная истина есть Бог. Учение о Боге — Православие. Православное учение — единственное подлинное вселенское христианство. Католичество и вытекающее из него протестантство — откол от Вселенской Церкви — ересь. Русский народ воплотил в своей жизни полноту и чистоту вселенского христианства. Потому в основе его жизни свобода, любовь и мир. Европа построила свою жизнь на началах католической — отошедшей от Вселенской — церкви. Потому в основе ее жизни насилие, вражда и раздвоение. Русский народ основал свое государство на добровольном призвании власти и жил соборною жизнью — свободными общинами; общины объединялись в областные миры; миры собирались на общенародное вече — Земский Собор. Народу принадлежала свобода жизни и мнения — царь брал на себя грех власти. На союзе любви между народом и царем и построено было государство. На тех же христианских началах была построена и хозяйственная жизнь. Не было частной собственности на землю. Земля принадлежала общине и распределялась равномерно между ее членами. Торговля и ремесло велись на артельных началах. Таковы основания русской жизни.

Европа построила свое государство на завоевании — насилии победителей над побежденными. Отсюда разделение народа на сословия и вражда сословий между собою. Чтобы примирить сословия — установление договорного начала, авторитет внеш-

ней правды — закона и права. Основанное на насилии и договоре европейское государство неизбежно развивалось переворотами и революциями. То же и в хозяйственной жизни. Европейское хозяйство построено на частной собственности и на власти капитала. Как следствие этого — анархия и коммунизм. Таковы европейские начала.

Петр произвел переворот в русской жизни, разбил ее целостность, привил ей европейскую культуру. Отсюда раздвоение русской жизни и омертвление ее. Верхи пошли по путям Запада и оторвались от низов. Но подлинные начала русской жизни на низах сохранились. Надо, чтобы к ним вернулись и верхи. Вернулись не для того, чтобы восстановить старую жизнь, но для того, чтобы создать новую — на началах христианской веры. Христианские начала — свобода, любовь и соборность — должны быть положены в основу всей жизни русского народа. Тогда русский народ станет примером для других народов и поведет их за собой. «Русский народ не есть народ: это человечество».

Славянофилы построили законченную политическую и социальную программу. Но эта программа была только частью целостного учения, охватывавшего весь мир. Они приняли консервативные лозунги Империи: самодержавие, православие и народность. Но они овеяли их новым духом и положили в основу их новые начала: свободу, соборность и вселенскость. Противники Запада, они взяли у него лучшее, что создала западная гуманистическая культура: личность, дух свободы и жажду социальной справедливости. Таково славянофильское учение.

Народническое учение. Наши чувства воспринимают внешние качества явлений. Подлинную сущность явлений — их причинную связь мы познаем разумом. Возможности познания разума безграничны. Мы не знаем начала мира, ибо разум до этого еще не дошел. Но это и не существенно. Ибо смысл бытия не в начале мира, а в его развитии и в вершине этого развития — человечестве. Закон развития мира — прогресс: движение вперед от низшего к высшему. Мир неудержимо идет вперед от звездных туманностей к солнечной системе и земной планете, от зарождения жизни на земле через иерархию растительного и животного мира к человеку, от варварских форм первобытной культуры к высшим формам человеческой цивилизации. Там на вершинах цивилизации человечество построит царство свободы, справедливости и счастья. Европа, прошедшая весь путь прогресса, близка к этому идеалу. Но этот путь тяжкий. И борьба за конечный идеал — совершенную свободу и социализм — требует жертв. Россия не прошла всего пути человеческого прогресса. Она юна и только в начале пути. Но перед

ней опыт Европы — должна ли она повторить весь европейский крестный путь восхождения? И помимо этого: в основе русской жизни начала, близкие к конечному идеалу Запада: община и артель. Русский народ, построивший свою жизнь на этих началах, смутно сознает ту правду, к которой стремится передовая Европа. Россия должна понять свое особое положение в мире и своими особыми путями, первой — впереди других народов — взойти на вершину идеала. Этот подвиг должна взять на себя интеллигенция — духовная аристократия русского народа, выросшая на его страданиях. Она должна создать целостное учение, освещающее светом разума пути мира и человечества, загореться верой в правду этого учения и идти в народ, чтобы жертвенно слиться с ним и передать ему свет истины. Тогда русский народ выполнит свое великое назначение в человечестве и скажет миру новое слово.

Народники, как и славянофилы, создали законченную политическую и социальную программу. Но, как и славянофилы, они включили ее в целостное учение о мире. Как и славянофилы, они боролись с Империей за политическое и социальное освобождение России. Но, как и для славянофилов, эта борьба была для них только частью борьбы за преображение всей жизни, не только России, но и человечества. В отличие от славянофилов, народники были республиканцами и социалистами. Но в основу своего учения они положили те же начала, что и славянофилы — свободу, братство и всечеловечность. Таково народническое учение.

С эпохи Великих реформ начинается новый период в жизни Ордена. Миросозерцательные учения выработаны, души орденских людей горят огнем пламенной веры, рыцари-монахи жаждут жертвы и подвига. Орден идет в крестовый поход в народ: уводить души простых людей от Империи — взрывать ее основы. Под «хождением в народ» мы обычно понимаем поход народников-революционеров в 70-х годах в народные массы для поднятия вооруженного восстания⁴. Но такое понимание ограничено и неверно. Вся жизнь Ордена с эпохи Великих реформ и до Великой войны — крестовый поход в народ. Отряд за отрядом и поколение за поколением идут монахи-воины в народные низы — подымать народные массы на Империю. Но при этом только немногие передовые отряды ведут против Империи вооруженную борьбу и организуют народные массы на восстание. Основные кадры идут в народ для мирной работы просвещения. Орден знает, что победить Империю, пока она опирается на народные массы, невозможно. И что подымать народные массы на восстание, не уведя души людей, бесполезно. Вот почему, посылая свои передовые отряды на революционную борьбу с властью, свои основные кадры Орден отдает на мирную

работу просвещения народа — увода душ. Но увести души людей голой проповедью Учения невозможно. Учение без дел мертво. Нужно жить с народом его жизнью, страдать его страданиями и, помогая ему в его ежедневной борьбе за существование, передать ему свет истины. Тогда народ поймет правду Учения и пойдет за Орденом. Потому крестовый поход Ордена в народ — грандиозный подвиг культурного строительства. Вся народная культура последнего пятидесятилетия — его творение: школа, книга, медицина, агрономия и кооперация. Творя народную культуру, организуя народ в хозяйственные объединения, Орден уводит за собой души. И действительно: результаты его мирной работы в народе для Империи смертельны. Класс за классом, русский народ уходит от Империи и становится на сторону Ордена. Еще в первую половину 19 века в Орден ушли лучшие люди из дворянства. То, что осталось, было мертво. Во второй половине 19 века то же происходит с купечеством: живые и талантливые уходят в Орден. Еще деды были коренными имперскими людьми; еще отцы крепко держались за традиции. А уже дети становятся в ряды Ордена; или, оставаясь в сословии, наполняют его орденским духом. Этим в значительной мере объясняется то, что в России так и не образовался класс буржуазии. Буржуазное сознание и орденский дух несовместимы. В последнее десятилетие 19 века начинается завоевание Орденом городского рабочего класса. Завоевание проходит бурно и стремительно. Орден бросил в рабочий класс свои лучшие силы; городская культура подготовила городских рабочих к легкому восприятию орденского учения. 9 января 1905 года последние монархические чувства в душах рабочих были расстреляны... В русско-японскую войну и в первую революцию происходит революционизирование крестьянства. Крестьянство десятилетия ждало от Империи царской милости — земельного передела. Потеряв веру в Империю, оно отдало душу Ордену. Так класс за классом, русский народ переходит от Империи к Ордену. К началу Великой войны переход закончен: за Империей уже не стоит ни один класс. Неудачи войны уводят от нее последние одинокие души. Вот почему, когда вспыхнула революция, для свержения монархии не понадобилось ни вооруженной борьбы, ни крови. Империя не оказала никакого сопротивления: ни один человек не встал на ее защиту. В грандиозной Империи носитель самой могущественной власти на земле — русский Император чувствует себя одиноким, как в пустыне. «Кругом измена и трусость, и позор»⁵, — записывает он в своем дневнике 2 марта 1917 года. Вековая борьба между Империей и Орденом кончена. Империя побеждена, — Империя пала не потому, что она разоряла стра-

ну и разрушала ее государственную мощь, и не потому, что она насильствовала народ. Она пала потому, что народное сознание разошлось с имперским бытием; потому, что душа народа ушла от нее. В падении Империи политическая и вооруженная борьба сыграла свою роль. Но это — роль ограниченная и подчиненная. В основе великой борьбы между Империей и Орденом — борьба духа. Победил Орден, ибо он увел за собою души. Таковы уроки истории.

Показания прошлого обязательны для понимания настоящего и предвидения будущего. Нельзя Империю сравнивать с советским строем, и нельзя Орден считать обязательной формой организации сил для борьбы за новое освобождение России. Но все-таки исторический анализ борьбы между Империей и Орденом должен многому нас научить и удержать от многих ошибочных шагов и оценок. Неправильно наше обычное представление о большевистской власти как о власти небольшой группы злых и корыстных людей, опирающихся на голую силу и разоряющих хозяйственную и государственную мощь России. Большевики — могущественная секта, обладающая целостным миропониманием и фанатически верующая в правду своего учения. Большевистская власть — новая лжетеократия или, если хотите, «сатанократия». Когда большевики в 1917 году захватили государственную власть, они опирались на широкое сочувствие народных масс. При выборах в Учредительное собрание они получили 25 проц. голосов. В самом Учредительном собрании, вместе с левыми С. Р., мало от них отличными, они насчитывали больше трети депутатов. Но и остальные народные массы, голосовавшие за социалистические партии с. р. и с. д., были заражены большевистским духом. Кто имел общение с массами в годы революции, сомневаться в этом не может. Надо иметь мужество признать, что весь русский народ в 1917–18 году был охвачен революционным безумием.

Неправильно также думать, что теперь, когда революционная буря стихла, большевики потеряли всякие корни в народе. Большевики — блудные сыны Ордена и отлично знают, что власть может держаться только на душах людей. Поэтому 12 лет своей власти они употребили больше всего на воспитание душ. Все молодое поколение — застигнутые юными революцией и родившиеся в советском строе — воспитаны большевиками: от люльки — октябрин-крестин — через советскую школу и до вхождения в жизнь. Даже те, которые ненавидят советскую власть, насквозь пропитаны ее духом — в быту, привычках и воззрениях: на Бога, мораль, семью и любовь. Вглядитесь в лица молодых советских граждан, вчитайтесь в советскую художественную литературу — и то, и другое не обманывает — и вы убедитесь, что это так.

Но сила советской власти не только в том, что половина русского народа — более молодая и потому более живая и сильная — получила большевистское воспитание. Не будем себя обманывать. Советская власть держится не только на людях, потерявших совесть, и на наемниках. Она опирается на миллионные кадры дисциплинированных и слепо верящих в правду своего учения людей — старых и юных: партийцев, комсомольцев и пионеров. На этих устоях стоит советский строй, и, пока эти устои крепки, советская власть несокрушима. Мы утешаем себя: дисциплина в большевистских рядах падает, вера гаснет, учение превращается в мертвую догму. Все это так. Но это процесс медленный и вовсе не обязательно ведущий к гибели строя. Для свержения могущественной большевистской власти нужны духовно противостоящие ей большие и действенные силы.

И, наконец, последнее: неверно, что большевистская власть систематически разрушает хозяйственную мощь России. Действительно, в годы революции, гражданской войны и военного коммунизма русское народное хозяйство было разрушено до основания. Но в последнее десятилетие оно начинает медленно восстанавливаться. Процесс восстановления идет неровно: в годы нэпа он шел быстрее, в последние годы как будто остановился в главной отрасли народного хозяйства — земледелии. Но общая тенденция процесса бесспорна. И это неудивительно. Русское народное хозяйство примитивно и пластично. Его основа — поверхностная вспашка необъятной русской равнины. Все остальное — легкая надстройка. Русский народ жаждет хозяйственного устройства. При любом строе эта жажда дала бы громадный хозяйственный подъем. При большевистской власти она дает медленное восстановление народного хозяйства, втиснутого в уродливые советские формы. Если это последнее положение недоказуемо, благодаря невозможности проверки советских статистических данных, и потому оспариваемо, то вот что бесспорно: 1. Россия, даже разоренная, достаточно богата, чтобы обеспечить материальное существование советской власти и ее аппарата; 2. разорение страны не есть гарантия неизбежности падения власти: революцию делает хозяйственно крепкий и сытый народ — нищий и голодный народ легче умирает, чем борется.

Какие отсюда должны быть сделаны выводы? — Большевики — могущественная и фанатическая секта, вынесенная к власти народной стихией и укрепившая свою власть на душах людей; хозяйственное развитие само по себе не ведет к ее падению. Потому, в основе своей, неверны воззрения антибольшевистских течений на задачи борьбы с советской властью и вырабатываемые на ос-

нове этих воззрений тактические методы. Неправы те течения, которые рассчитывают на эволюцию власти и страны — на победу жизни над догмой. Если власть эволюционирует, то только в одну сторону: более цельного раскрытия учения и более полного проведения учения в жизнь. И если эволюционирует страна, то только в направлении более совершенного охвата всех сторон жизни советской системой. Догма, воодушевляющая секту фанатиков, держащих в своих руках власть над великой страной, оказывается сильнее обездушенной жизни. Потому тактика, рассчитанная на эволюцию строя и победу жизни, фатально обречена на бездействие и бесплодие. Действительны, но еще более безлюдны, если не вредны, те течения, которые строят свою тактику на «активизме» — революционной борьбе с властью. Власть, опирающуюся на могущественные кадры воодушевленных верою в свое учение людей, они хотят взорвать бомбами. Народ, молодое поколение которого вылеплено по образу и подобию власти, они рассчитывают поднять против власти на вооруженную борьбу. И те и другие течения — и сторонники эволюции, и активисты — по существу своему материалистичны: они рассчитывают на материальные (по преимуществу хозяйственные) сдвиги жизни и материальные (по преимуществу вооруженные) формы борьбы; они не учитывают силы идей, хотя бы и фанатически извращенных; они не знают цены духа, хотя бы и злого. Правильная тактика борьбы должна быть иной: она не должна рассчитывать на естественные сдвиги жизни, она должна быть напряженно действенной и не должна отказываться ни от каких форм борьбы: даже вооруженных. Но в основе своей она должна быть борьбой за души. Надо духовно взорвать те устои, на которых держится советское здание: миллионы душ, верующих в святость коммунистического учения. Надо изменить сознание молодого поколения — его воззрения на Бога, правду и совесть, семью и любовь. Надо очистить душу народа от соблазна, еще таящегося в ней; соблазна «нашей» трудовой власти, соблазна «нашего» советского царства. Иначе говоря, надо увести от советской власти души людей. Только та власть, которая не опирается на души, колеблется от революционных ударов. Только обездушенный строй рушится от народных восстаний. Как увести души людей от власти? Как изменить сознание народа?

Уроки прошлого должны помочь найти ответ. Наивно думать, что политическая платформа, даже самая разумная и правильная, может увести души верующих в целостное учение людей. Неправильно предполагать, что изображение ужасов насилия и голода может изменить сознание народа и отвратить его от власти. Политика — только часть мирозерцания, зажигающего души

советских людей огнем веры. И разве можно строить «царство труда и народного счастья» без жертв и страданий? Надо искать иных путей к душам людей: надо господствующему миросозерцанию противопоставить свое миросозерцание, вере, воодушевляющей современных властителей России, противопоставить свою веру и человеку, несущему власть, — нового человека. Надо возобновить Орден — Орден воинов-монахов, пламенно верующих в правду Учения и готовых на жертвы и подвиг для освобождения России. И надо, чтобы новые рыцари, как их отцы и деды, шли в народ — жить его жизнью, страдать его страданиями и, освещая души людей светом Истины, уводить их за собой от власти. Тогда наступит день, когда устои, на которых стоит власть, падут, строй обездушится, и народ, руководимый Орденом, встанет против власти на борьбу. Это путь длинный, но зато единственно ведущий к цели. И это путь тяжкий — требующий громадного подъема духа и великой жертвенности. Но может ли быть иначе? Можно ли взять могущественную твердыню большевистской власти без длительной подготовки и не идя на большие жертвы? И разве совершается что-либо великое в истории без последнего напряжения человеческих сил и воли?

Должна ли в начинающейся борьбе за освобождение России принять участие эмиграция? Может ли?

Должна и может. Эмиграция — живая часть русского народа; и судьбы их неразрывны. Строители Ордена в России имеют перед нами громадное преимущество: связь с землей и народом. Зато нам дано неопределимое благо — свобода. Этой свободой мы и должны воспользоваться, чтобы сделать ту работу, которая в России невыполнима: создание духовных ценностей — выработка целостного миросозерцания. Говоря о миросозерцании, я не думаю, что оно будет единым. В новом Ордене, как и в старом, будут различные миросозерцательные течения; но все они будут иного духа, чем господствующее, и все будут противостоять ему. Так же, говоря о целостном миросозерцании, я не предполагаю, что оно будет монистичным: выводить все учение о мире из одного начала. Политические и социальные программы должны быть трезвыми и практичными — определяться конкретными велениями жизни, а не отвлеченными началами идеала. И все-таки только те программы действительны, на которые падает свет целостного понимания мира; и только те программы способны поднять людей на подвиги и жертву, которые согреты огнем целостной веры. И еще одно можем и должны мы сделать: идти в народ — эмигрантский народ. Эмигрантские политические организации безжизненны и худосочны, ибо не связаны с народными массами. А эмигрантские массы

распылены и беспризорны. Надо идти в эмигрантский народ, чтобы организовать его экономически и культурно. И надо поднять его на большую духовную высоту, которая обязательна для него, если он хочет быть передовым отрядом в борьбе за освобождение России. Тогда духовное влияние обязательно передастся из эмиграции и на родину. И эмиграция станет центром притяжения для всех освободительных течений в России. А когда чаша духовных сил эмиграции переполнится, тогда лучшие из нее перейдут границы: чтобы идти в родную землю — уводить души.

Долог ли путь? Когда будем у цели?

На это я могу ответить только так, как ответил Сократ путнику: иди. Путь определяется не только длиной расстояния, но и скоростью движения.

